

между эпохой французских религиозных войн и русского Смутного времени, ставит перед исследователями более широкую проблему. Ведь в набросках предисловия к «Борису Годунову» имеется и другой французский контекст, цитата из «Опытов» Монтеня: «C'est une oeuvre de bonne foi» («Это добросовестная книга»)⁴¹. Цитата эта мало подходит к содержанию пушкинского высказывания. Монтень — не автор исторической драмы, он никому не ставит в вину убийство наследника престола; он также не пишет лояльное произведение;⁴² его добросовестность касается изображения самого себя («...c'est moi-même que je reïns <...> je suis moi-même la matiere de mon livre»)⁴³. Конечно, эта цитата очень известна и можно ее привести при любом контексте, но не присутствует ли здесь Монтень просто как современник событий, как личность, связанная с религиозными войнами во Франции и с Генрихом IV, как умеренный католик, который служил посредником между лигой и Генрихом Наваррским и в произведении которого можно также найти дух эпохи?

К. Денретто

О РИСУНКЕ ПУШКИНА В ТОМЕ «CLARISSE HARLOVE» ИЗ БИБЛИОТЕКИ ТРИГОРСКОГО

Первое знакомство Пушкина с романами Ричардсона состоялось осенью 1824 г., вскоре после прибытия поэта в Михайловское. Некоторым избавлением от деревенской скуки в псковской глуши стали книги, найденные им в библиотеке Тригорского. Среди них оказался и роман «Clarisse Harlove» в переводе аббата Прево.¹ Любовная история Клариссы и лорда Ловласа заинтересовала Пушкина

---

⁴¹ АПСС. Т. 7. С. 93. Перевод Б. В. Томашевского: «Это сочинение — чистосердечно» (*Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 104*). По мнению исследователя, «Монтень, по-видимому, входил в круг постоянного чтения Пушкина» (Там же).

⁴² Ср. в письме Пушкина к П. А. Вяземскому около 7 ноября 1825 г.: «...цензура его не пропустит. <...> Хоть она и в хорошем духе писана...» (XIII, 240).

⁴³ *Œuvres complètes de Michel de Montaigne. Paris, 1924. Т. 1: Les Essais. P. 2–3 2-me pag.* Перевод: «Я изображаю самого себя, я сам — предмет моей книги» (*фр.*).

¹ *Lettres angloises, ou Histoire de Miss Clarisse Harlove. Nouvelle édition, augmentée de l'Eloge de Richardson, des lettres posthumes et du Testament de Clarisse. Paris, 1777.* В настоящее время этот экземпляр «Клариссы» (14 томов в 7 переплетах) хранится в рукописном отделе Пушкинского дома (ф. 244, оп. 1, № 797). См.: *Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском*

на, и он с любопытством принялся за чтение, однако, по-видимому, ожидания его были обмануты. Во всяком случае, одна из героинь написанного спустя несколько лет «<Романа в письмах>» так рассказывает о своих впечатлениях от «Клариссы»: «...у нее нашла я целый шкаф, наполненный старинными романами. Я намерена все это прочесть и начала Ричардсоном. Надобно жить в деревне, чтоб иметь возможность прочитать хваленую Клариссу. Я, благословясь, начала с предисловия переводчика и, увидя в нем уверение, что хотя первые 6 частей скучненьки, зато последние 6 в полной мере вознаграждают терпение читателя, храбро принялась за дело. Читаю том, другой, третий, — наконец добралась до шестого, — скучно, мочи нет. Ну, думала я, теперь буду я награждена за труд. Что же? Читаю смерть Клар<иссы>, смерть Ловла<са>, и конец. Каждый т<ом> заключал в себе 2 части, и я не заметила перехода от 6 скучных к 6 занимательным...» (VIII, 47).

На автобиографичность этого отзыва, вложенного в уста героини, обратил внимание Ю. М. Лотман: «Продитированный отрывок обычно трактуется как плод художественной фантазии Пушкина. На самом деле перед нами отсылка к вполне точному историко-литературному факту и определенным биографическим обстоятельствам автора».² В подтверждение своих слов Ю. М. Лотман сослался на упомянутый выше экземпляр «Clarisse Harlove» из библиотеки Тригорского, который был известен ему по каталогу, составленному Б. Л. Модзалевским.³

В описании этого издания в «Каталоге библиотеки села Тригорского» Б. Л. Модзалевский указал, что в первом томе «Clarisse Harlove» Пушкин выделит карандашом несколько фраз и нарисовал на форзаце женский портрет: «На чистом, после переплетной крышки листе, в т. I находится женский поясной портрет в профиль с накинутой на плечи шалью; рисован он несомненно Пушкиным».⁴

Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.: Л., 1937. С. 283. № 797.

² Лотман Ю. М. Три заметки к пушкинским текстам // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977. С. 88. Впрочем, для самого Пушкина чтение «Клариссы» оказалось совсем не напрасным; оно отразилось впоследствии на замысле его собственного эпистолярного романа, а также отозвалось несколькими литературно-критическими замечаниями в «Евгении Онегине» и том же «<Романе в письмах>». К Ричардсону, в частности, восходит одно из замечаний героя «<Романа в письмах>» о непостоянстве литературных вкусов и о быстрой смене идеалов героев-мужчин при относительной неизменности характеров женских (VIII, 47–48).

³ Модзалевский Б. Л. Поездка в Тригорское в 1902 г. // Пушкин и его современники. СПб., 1906. Вып. 1. С. 26–27.

⁴ Там же. С. 26–27.

Рисунок на форзаце книги «Clarisse Harlove» из библиотеки Тригорского (ПД 797)

Относительно того, кто изображен на рисунке, было высказано два разных предположения: Б. Л. Модзалевский считал, что Пушкин нарисовал одну из обитательниц Тригорского;⁵ по мнению М. Д. Беляева, на форзаце книги изображена сестра поэта Ольга.⁶

Атрибуция М. Д. Беляева представляется нам весьма спорной. Странно было бы предположить, что Пушкин (человек светски воспитанный) стал бы рисовать в *чужой* книге портрет своей сестры.⁷ Кроме того, большинство портретов О. С. Павлицевой (особенно известная акварель Е. А. Плюшара) мало напоминают женский портрет на форзаце «Клариссы».

⁵ «...В одном из томов <<Клариссы>> сохранился нарисованный Пушкиным женский профиль, — быть может, одной из обитательниц Тригорского» (Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 368).

⁶ Беляев М. Д., Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. [Неизданный 17-й том Полн. собр. соч. А. С. Пушкина.]. Машинопись (хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома). № 282. Атрибуция, предложенная М. Д. Беляевым, отражена и в «Каталоге» Р. Г. Жуйковой (см.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 264. № 584а). Отметим, что атрибуция Б. Л. Модзалевского осталась в этом «Каталоге» неучтенной.

⁷ Отметим справедливости ради, что с обитательницами Тригорского у Пушкина быстро завязались близкие, доверительные отношения. К тому же он находился с ними в отдаленном родстве. Хозяйка Тригорского Прасковья Александровна Осипова (урожд. Вындомская) была свояченицей Надежды Осиповны Пушкиной (урожд. Ганнибал). Ее родная сестра Елизавета Вындомская была замужем за Я. И. Ганнибалом — двоюродным братом Надежды Осиповны.

Портрет О. С. Павлицевой. Акварель Е. А. Илюшара. Середина 1830-х

Женский портрет (О. С. Павлицевой?), нарисованный Пушкиным на обороте листа с портретом Грибоедова (ПД 1728)

Сестра поэта была внешне похожа на самого Пушкина.⁸ Из-за этого у исследователей возникают разногласия по поводу того, кто изображен Пушкиным на обороте листа с портретом Грибоедова (ПД 1728): сестра Ольга или он сам «в женском облике».⁹

⁸ Об этом имеются свидетельства современников. Так, 16 сентября 1826 г. А. Н. Вульф писала Пушкину: «Я была чрезвычайно рада вновь увидеться с вашей сестрой — она очаровательна — знаете, я нахожу, что она очень похожа на вас» (XIII, 297, 560; оригинал по-фр.). О том же П. А. Вяземский писал своей жене из Ревеля 11 июля 1825 г.: «Иду обедать к Пушкиным: дочь именинница <...> Она очень мила и напоминает брата...» (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1909. Т. 5, вып. 1. С. 56–57).

⁹ М. Д. Беляев, С. М. Бонди и Т. Г. Цявловская считали этот рисунок портретом О. С. Павлицевой, а А. М. Эфрос — автопортретом Пушкина (см.: Беляев М. Д., Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. № 711; Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1980. С. 304–305, 440; Эфрос А. М. Автопортреты Пушкина. М., 1945. С. 92–94, 125). Мнение Эфроса поддержано в изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1996. Т. 18 (дополнительный): Рисунки / Под ред. С. А. Фомичева. С. 53.

Впрочем, один из портретов О. С. Павлицевой (карандашный рисунок с профилем, повернутым влево¹⁰) действительно имеет некоторые общие черты с портретом на форзаце «Клариссы»: такой же сравнительно низкий, «скошенный» лоб, прямой нос с небольшой горбинкой, длинная шея, завитые кудри.

Портрет О. С. Павлицевой. Рисунок неизвестного художника. 1833

Но заметны и существенные отличия. Женское лицо, изображенное на форзаце «Клариссы», имеет классический «римский» профиль: лицо слегка вытянутое, нос прямой с еле заметной горбинкой у основания, линию лба и носа разделяет небольшая надбровная дуга, глаза «глубоко посажены» (удалены от переносицы), кончики губ опущены вниз (что придает лицу печальное выражение), особенно выделяется тяжеловатый, слегка выдающийся вперед подбородок.

Сравним с этим изображением портрет О. С. Павлицевой, сделанный в 1833 г. На ее портрете линия лба плавно переходит в линию носа, надбровная дуга не выражена, нос несколько короче, горбинка находится посередине (так же, как и на портретах ее отца), глаза расположены у переносицы, кончики губ слегка приподняты, подбородок выражен неявно.

В целом женское лицо, изображенное на форзаце «Клариссы», оставляет ощущение внутренней силы и «классической» красоты,

¹⁰ По сообщению Н. О. Лернера, записанному со слов Л. Н. Павлицева — сына Ольги Сергеевны, этот портрет был нарисован в Варшаве «одним глухонемым» художником в 1833 г. (см.: Лернер Н. О. Сестра Пушкина // Венг. Т. 1. С. 81). По мнению Л. П. Февчук, этот карандашный рисунок мог быть сделан В. П. Лахтиной — близкой подругой О. С. Павлицевой — во время ее пребывания в Варшаве (см.: Февчук Л. П. Портреты и судьбы: Из ленинградской Пушкинианы. 2-е изд., доп. Л., 1990. С. 38).

в то время как портрет О. С. Павлищевой кажется более «женственным». Поэтому предположение М. Д. Беляева о том, что на форзаце книги изображена О. С. Павлищева, представляется маловероятным. Скорее всего, Пушкин нарисовал здесь одну из обитательниц Тригорского (как и предполагал Б. Л. Модзалевский).

Впрочем, если это предположение верно, то кого именно из тригорских барышень изобразил Пушкин на этом портрете? Старшую — Анну Николаевну Вульф, «чувствительную девушку» 25 лет, ее младшую сестру — 15-летнюю Евпраксию или их сводную сестру Александру Ивановну Осипову («Алину»), которой к тому времени исполнилось 18 лет?¹¹

Чтобы ответить на этот вопрос, нами были предприняты соответствующие иконографические разыскания (в чем немало помог каталог портретных рисунков Пушкина, составленный Р. Г. Жуйковой). Но, просмотрев все изображения обитательниц Тригорского, сделанные рукой Пушкина, мы столкнулись с неожиданной трудностью: отсутствием надежно аргументированной атрибуции этих портретов. Оказалось, что среди рисунков Пушкина, традиционно считающихся изображениями тригорских барышень (А. Н. Вульф, Е. Н. Вульф или А. И. Осиповой), нет ни одного, атрибуция которого была бы однозначной.¹²

Например, атрибуция «портрета Анны Николаевны Вульф» из рабочей тетради ПД 835 (л. 8),¹³ предложенная А. М. Эфросом, основывается лишь на высказанном им же предположении, что этот рисунок был сделан Пушкиным в сентябре 1824 г. («через три недели после приезда его в Михайловское») в связи с возникшим у него интересом к Аннете Вульф.¹⁴ На самом же деле (как показало исследование рабочей тетради ПД 835, выполненное

---

¹¹ Точная дата рождения А. И. Осиповой неизвестна: в большинстве исследований указывается 1808 г. (см., например: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 33–34). Как недавно уточнила С. В. Березкина, более вероятной датой рождения А. И. Осиповой является 1805 или 1806 г. (см.: *Березкина С. В.* «Алина, сжальтесь надо мною...»: (Из комментария к «Признанию» А. С. Пушкина) // *Временник Пушкинской комиссии.* Л., 1991. Вып. 24. С. 132).

¹² *Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки Пушкина. № 251–256 (А. Н. Вульф), №№ 244–245 (Е. Н. Вревская), №№ 133–134 (А. И. Беклешова).

¹³ Этот рисунок сделан Пушкиным на одном листе со стихотворением Жуковского «Стихи, петье на празднестве английского посла лорда Каткарта» (ПД 835, л. 8).

¹⁴ *Эфрос А. М.* Пушкин-портретист: Два этюда. М., 1946. С. 141 (воспроизведение), 168–170.

С. А. Фомичевым¹⁵), этот лист рабочей тетради был заполнен Пушкиным еще в Одессе весной 1824 г. — и, следовательно, никакого отношения к встрече его с тригорской барышней не имеет.

Рисунок в рабочей тетради ПД 835, л. 8
(по атрибуции А. М. Эфроса — портрет А. Н. Вульф)

Другой женский портрет, который принято считать изображением Анны Николаевны Вульф, нарисован Пушкиным в альбоме Е. Н. Ушаковой осенью 1829 г., незадолго до его поездки в тверское имение Осиповых—Вульф.

На рисунке изображена девушка, стоящая у верстового столба с надписью: «от Моск<вы> 235». Сверху сделана надпись (впоследствии зачеркнутая): «je vous attends à М<?>...» («Я жду вас в М<?>...»)¹⁶.

Между этим рисунком и портретом на форзаце «Клариссы» имеется определенное сходство: в обоих случаях Пушкин изобразил классический женский профиль (прямой нос, тяжеловатый подбородок и т. д.). Но откуда известно, что на этом рисунке в альбоме Е. Н. Ушаковой изображена именно Анна Николаевна Вульф?

235 верст — это расстояние от Москвы до Малинников — имения Осиповых—Вульф в Старицком уезде Тверской губернии, где в это время находилась П. А. Осипова с дочерьми — Аннетой, Евпраксией и Алиной. Считается, что на рисунке изображена одна из них — Анна Николаевна.¹⁷ Но кажется, столь же вероятно, что

¹⁵ Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 31, 53.

¹⁶ Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой: Факсимильное воспроизведение. СПб., 1999. С. 161, 363.

¹⁷ Атрибуция принадлежит А. М. Эфросу (см.: Эфрос А. М. Рисунки поэта. М., 1933. С. 285 (воспр.), 414—418). В подтверждение он привел

на рисунке может быть изображена ее младшая сестра Евпраксия, которой Пушкин был увлечен гораздо более, чем старшей сестрой.¹⁸

Рисунок в альбоме Е. Н. Ушаковой
(по атрибуции А. М. Эфроса — портрет А. Н. Вульф)

Впрочем, с не меньшим основанием можно было бы предположить и то, что на рисунке изображена кузина тригорских барышень

следующее доказательство: «Есть и одна особая иконографическая примета, по которой можно узнать Ан<ну> Ник<олаевну>: круглое, широкое лицо, с гладко зачесанными на висках волосами. Это — тоже дань послушания Пушкину. Он писал ей еще в 1825 году, с обычной, как она выражалась, “insolence”: “Не взбивайте волос на висках, даже если бы на то была мода, ибо вас постигло несчастье обладать круглой физиономией...”» (Там же. С. 416). Но, как известно, Анна Николаевна, оскорбленная этим письмом Пушкина, продолжала взбивать волосы — быть может, «из упрямства», которое (как отмечал Пушкин в письме к А. П. Керн) способно заставить ее «сделать как раз противоположное» (XIII, 207, 544; оригинал по-фр.). Кроме того, у Евпраксии Николаевны Вульф тоже было широкое и круглое лицо.

¹⁸ Примечательно, что Пушкин внес имя «Евпраксея» в первый перечень «донжуанского списка» (в нем он указал имена женщин, с которыми его связывали самые глубокие чувства), в то время как имя Анна поместил во второй (см.: Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой. Л. 37 об., 48 об.—49). Впоследствии именно к Евпраксии Николаевне ревновала молодая жена Пушкина в 1831 г. (см.: Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху: 1799—1926. СПб., 1874. С. 280—281). Как известно, у Евпраксии Николаевны хранилась большая пачка адресованных ей пушкинских писем, которые по ее завещанию были сожжены (см.: Гроссман Л. П. Вокруг Пушкина. М., 1928. С. 14—15).

Анна Ивановна Вульф («Netty»), которой Пушкин также был увлечен со времени их знакомства в Тригорском¹⁹ и которой в 1828 или 1829 г. посвятил шутивное четверостишие:²⁰

За Netty сердцем я летаю
В Твери, в Москве —
И R и O позабываю
Для N и W.

(III, 139)²¹

Портрет А. И. Вульф («Netty»).
Рисунок неизвестного художника. 1820-е.

В этом случае можно было бы считать рисунок из альбома Е. Н. Ушаковой лишь шутивной иллюстрацией Пушкина к его столь же шутивому стихотворению.²²

¹⁹ О ней он писал брату Льву 14 марта 1825 г. из Тригорского: «Ан<на> Ник<олаевна> тебе кланяется и очень жалеет, что тебя здесь нет; потому что я влюбился и миртильничую. Знаешь ее кузину Ан<ну> Ив<ановну> В<ульф>? ессе femina!» (XIII, 152).

²⁰ О времени создания этого стихотворения говорится в статье С. В. Березкиной (см.: Березкина С. В. Из комментариев к «тверским» стихотворениям А. С. Пушкина 1828–1829 гг. // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1993. Вып. 25. С. 130–132).

²¹ Латинскими буквами R. и O. обозначены имена А. О. Россет и А. А. Олениной (или, возможно, Е. Н. Ушаковой), которыми Пушкин был увлечен в 1828 г.

²² Примечательно, что именно Netty Пушкин посетил первой из всех кузин, приехав в октябре 1829 г. в Павловское, так как, по-видимому, узнал что П. А. Осипова вместе с дочерьми Евпраксией Николаевной и Александрой Ивановной уехала в Старицу «посмотреть новых уланов» (XIV, 49).

Рисунок в рабочей тетради ПД 836, л. 36 об.
(предположительно портрет Е. Н. Вульф)

Однако достоверными пушкинскими изображениями Евпраксии Вульф мы также не располагаем. Известный набросок в рабочей тетради ПД 836, считающийся портретом младшей из сестер Вульф (л. 36 об.), относят к ней лишь на том основании, что он обладает, по мнению Р. В. Иезуитовой, «несомненным портретным сходством с одной из самых юных обительниц Тригорского».²³ Однако подобная атрибуция является, на наш взгляд, недостаточно аргументированной. В достоверности ее позволяет усомниться уже хотя бы то, что этот набросок в рабочей тетради ПД 836 был сделан Пушкиным (согласно исследованию Р. В. Иезуитовой) в декабре 1826 г.,²⁴ — когда поэт, простившись с Михайловским, жил в Москве, влюбляясь в московских красавиц и наслаждаясь свободой светской жизни.

Столь же гипотетична и атрибуция другого карандашного наброска в рабочей тетради ПД 836, считающегося, по мнению М. Д. Беляева и Р. В. Иезуитовой, портретным изображением *Алины* (А. И. Осиповой) — сводной сестры Анны Николаевны и Евпраксии Николаевны Вульф (л. 17 об.).²⁵

Спустя несколько дней после этого он навестил и Малинники, где находилась одна Анна Николаевна Вульф. Из Малинников Пушкин написал письмо А. Н. Вульф («Ловласу Николаевичу»), в котором сообщил некоторые интимные подробности о Netty, в которую, по его словам, он «вот уже третий день как влюблен» (XIV, 49–50).

²³ *Иезуитова Р. В.* «Говорящие рисунки» // Наука и религия. 1989. № 5. С. 37. См. также: *Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 836: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 129, 142.

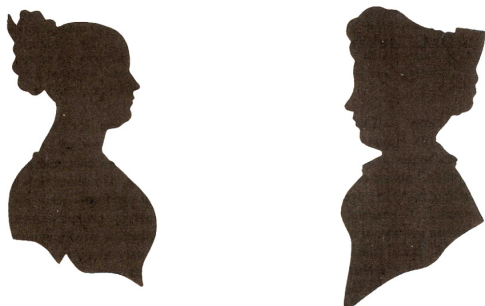
²⁴ Там же. С. 142.

²⁵ Подробная аргументация в пользу этой атрибуции приведена в статье Р. В. Иезуитовой (*Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 836. С. 139, 142). По ее мнению, карандашный набросок был сделан Пушкиным

Рисунок в рабочей тетради ПД 836, л. 17 об.
(предположительно портрет А. И. Осиповой)

Желая привлечь для сравнения больше материала, мы использовали и другие известные портреты тригорских барышень, не принадлежащие руке Пушкина: *силуэты* сестер Вульф 1820-х гг.; портрет Е. Н. Вревской работы А. А. Багаева (1841 г.); а также рисунки, сделанные в 1841 г. другом семьи Пушкиных Натальей Ивановной Фризенгоф.

Силуэты А. Н. и Е. Н. Вульф. 1820-е

Рассмотрим *силуэты* сестер Вульф, датируемые, по-видимому, серединой 1820-х гг.²⁶ Как видно на этих изображениях, обе сестры имели характерную «фамильную» черту — *круглое лицо*, из-за чего ни одна из них не может считаться прототипом женского портрета на форзаце «Clarisse Harlove» (на котором лицо несколько вытянуто).

в Москве в декабре 1826 г., вскоре после возвращения его из Михайловского, якобы в связи с внезапно пронзившей его мыслью о том, что «в момент казни декабристов не ведавший о ней поэт беспечно веселился в кругу тригорской молодежи» (с. 142).

²⁶ Уточнить датировку силуэтов А. Н. и Е. Н. Вульф позволяет аналогичный силуэт А. П. Керн, сделанный в 1825 г.

О том, что Анна Николаевна Вульф была круглолицей, писал и Пушкин в своем шутивно-назидательном послании к ней летом 1825 г. (мы цитировали его выше). Со временем фигура и лицо Анны Николаевны «округлялись» все больше, что нашло отражение в шарже Н. И. Фризенгоф, сделанном в августе 1841 г. в Михайловском.²⁷

*Шаржированный портрет А. Н. Вульф. 1841.
Рисунок Н. И. Фризенгоф в альбоме Н. Н. Пушкиной*

Круглое лицо было и у младшей из сестер Вульф — Евпраксии Николаевны (в замуж. Вревской), что хорошо видно на ее портрете, выполненном крепостным художником А. А. Багаевым в 1841 г.

А. А. Багаев. Портрет Е. Н. Вревской. 1841

Эти же столь характерные черты Евпраксии Николаевны (круглое лицо, высокий лоб) подметила своим острым взглядом

²⁷ Чрезвычайную полноту Анны Николаевны Вульф отмечала и О. С. Павлищева в письме к мужу от 28 февраля 1836 г.: «...тело ее состоит из трех шаров: голова вместе с шеей, потом плечи и грудь, а затем зад вкупе с животом. Но при этом она все та же хохотушка, так же остроумна и добродушна» (Мир Пушкина. СПб., 1994. Т. 2: Письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и к отцу. 1831–1837. С. 156).

и Н. И. Фризенгоф, нарисовавшая портрет Вревской во время ее визита к Н. Н. Пушкиной в Михайловское в августе 1841 г.

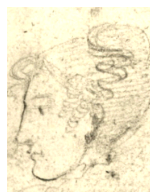
Итак, как видим, ни одну из тригорских барышень мы не можем назвать прототипом интересующего нас портрета на форзаце «Clarisse Harlove». Но кого же тогда изобразил на нем Пушкин? Выраженная индивидуальность этого портрета говорит о том, что он нарисовал одну из своих близких знакомых.

Исследуя иконографию «обитательниц Тригорского», мы совершенно забыли о старшей из них — П. А. Осиповой (1781—1859), которой в 1824 г. было всего 43 года. А ведь именно она и была в Тригорском центральной фигурой. Ей же принадлежала собранная ее отцом библиотека, которую она любезно предоставила в распоряжение Пушкина.²⁸ Уж не ее ли идеализированный портрет в образе *Клариссы* изобразил он на форзаце первого тома романа?

Для сравнения приведем еще один рисунок Пушкина, сделанный им в сентябре 1824 г. в рабочей тетради ПД 835 (л. 11 об.),²⁹ на котором, согласно атрибуции Г. Ф. Симакиной, изображена П. А. Осипова.³⁰

Рисунок в рабочей тетради
ПД 835 л. 11 об.
(предположительно портрет
П. А. Осиповой)

Портрет на форзаце «Клариссы»

Профиль женщины, изображенной на этом рисунке, удивительно схож с профилем на форзаце «Клариссы»: такое же удлиненное

²⁸ Младшая из дочерей П. А. Осиповой Екатерина Ивановна Фок вспоминала впоследствии: «И книг у него своих в Михайловском почти не было, больше всего читал он у нас в Тригорском, в библиотеке нашего дедушки по матери, Вындомского» (*Острогорский В. П. Пушкинский уголок. М., 1899. С. 114*). Подробнее о библиотеке Тригорского (хранившейся в пяти больших шкафах черного дерева) см. в статьях: *Модзалевский Б. Л. Поездка в Тригорское в 1902 г. С. 6—13, 19—52; Мальцева Т. Пушкин — читатель Тригорской библиотеки // Пушкинский сборник. Псков, 1962. С. 33—43.*

²⁹ На одном листе с этим рисунком находятся черновик стихотворения «И путник усталый на Бога роптал...» (из цикла «Подражания Корану») и черновой текст XXXIII строфы третьей главы «Евгения Онегина». Здесь же рукой Пушкина проставлена дата: 5 сентября 1824 г.

³⁰ См.: *Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина. С. 259. № 576а.*

лицо, прямой нос (с небольшой горбинкой у переносицы), выдающийся вперед тяжелый подбородок, рельефные губы, «скошенный» лоб. Единственное отличие составляет возраст обеих героинь: молодой девушки и 40-летней дамы в чепце. Но, думается, что этим отличием, связанным с разницей в годах, Пушкин мог сознательно пренебречь, нарисовав в книге идеализированный портрет П. А. Осиповой в образе юной Клариссы.

Рассмотрим еще один портрет П. А. Осиповой, сделанный Н. И. Фризенгоф в альбоме Н. Н. Пушкиной в августе 1841 г. На нем, хоть и в шаржированной форме, изображены все те же характерные черты: удлиненное лицо, прямой нос с небольшой горбинкой, «скошенный» лоб.

Приведем для сравнения словесный портрет П. А. Осиповой, созданный А. П. Керн в ее письме к П. В. Анненкову:

«Вы когда-то у меня спросили: “что такое была Прасковья Александровна Осипова”. <...> Это была далеко не пошлая личность — будьте уверены, и я очень понимаю снисходительность и нежность к ней Пушкина. <...> И так мне рисуется Прасковья Александровна в те времена. Не хорошенькою, — она, кажется, никогда не была хороша <...> лицо продолговатое, довольно умное (Алексей на нее похож); нос прекрасной формы; волосы каштановые, мягкие, тонкие, шелковые; глаза добрые, карие, но не блестящие; рот ее только не нравился никому: он был не очень велик и не неприятен особенно, но нижняя губа так выдавалась, что это ее портило. Я полагаю, что она была бы просто маленькая красавица, если бы не этот рот. <...> Она только все читала и читала и училась! Она знала языки: французский порядочно и немецкий хорошо, я полагаю. Любимое ее чтение когда-то был Клопшток (кажется, первое время пребывания Пушкина в Михайловском)...».³¹

По-видимому, именно с П. А. Осиповой, читавшей Ричардсона и Клопштока, Пушкин вел «патриархальные разговоры» в октябре 1824 г. (о чем он упоминает в письме к В. Ф. Вяземской³²). Отметим, что среди сочинений излюбленного П. А. Осиповой Клопштока есть и ода на смерть Клариссы — «Die tote Clarissa».³³

Чтобы понять благодарное отношение Пушкина к Прасковье Александровне Осиповой, нужно вспомнить, что она принимала

³¹ Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974. С. 288, 291.

³² «...В качестве единственного развлечения, я часто вижу с одной милой старушкой-соседкой — я слушаю ее патриархальные разговоры...» (XIII, 114, 532, оригинал по-фр.).

³³ См.: Klopstock F. G. Werke. Berlin; Weimar, 1979. S. 35–36.

*Шаржированный портрет П. А. Осиповой. 1841.
Рисунок Н. И. Фризенгоф в альбоме Н. Н. Пушкиной*

самое живое участие во всех обстоятельствах жизни поэта, включая подготовку его побега за границу и конфликт с отцом, из-за которого Пушкин в конце октября 1824 г. почти перебрался в Тригорское.³⁴ В ноябре 1824 г. она написала два письма Жуковскому, в которых просила его помочь уладить конфликт в семье Пушкиных и предотвратить его опасные последствия.³⁵ Но и после отъезда родителей Пушкина из Михайловского поэт продолжал ежедневно бывать в доме П. А. Осиповой.³⁶ По-видимому, тогда же он принялся за роман Ричардсона, найденный им в библиотеке Тригорского.³⁷ Возвращая книги, он сделал в первом томе тот самый рисунок на форзаце, в котором отражены портретные черты П. А. Осиповой.

Итак, нам представляется наиболее вероятным, что на форзаце первого тома «Clarisse Harlove» из библиотеки Тригорского Пушкин изобразил идеализированный портрет П. А. Осиповой в образе Клариссы. Это портрет, так сказать, этикетно-комплиментарный — знак дружеского внимания того же рода, что и посвящение ей стихов.³⁸

В. В. Костюкова

---

³⁴ Об этом он сообщал в письме брату Льву от 10 или 11 ноября, написанном из Тригорского: «Дела мои все в том же порядке. Я в Михайловском редко...» (XIII, 118).

³⁵ *Пушкин А. С. Письма. Т. 1. С. 356, 359.*

³⁶ Об этом сообщила сама П. А. Осипова в письме к Жуковскому от 22 ноября 1824 г.: «Я живу в двух верстах от с. Михайловского, где теперь А<лександр> П<ушкин>, и он бывает у меня всякий день...» (Там же. С. 359).

³⁷ О времени знакомства Пушкина с романом Ричардсона мы можем судить по упоминанию о нем в письме к брату, написанном между 22 и 25 ноября 1824 г.: («Читаю Кларису, мочи нет какая скучная дура!...» — XIII, 123).

³⁸ П. А. Осиповой Пушкин посвятил написанные в Михайловском «Подражания Корану» (1824), а также стихотворения «П. А. О<сиповой>» («Быть может, уж недолго мне...», 1825) и «Цветы последние милей...» (1826).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Выпуск 31

Сборник научных трудов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПУШКИНСКОГО ДОМА

Санкт-Петербург

2013